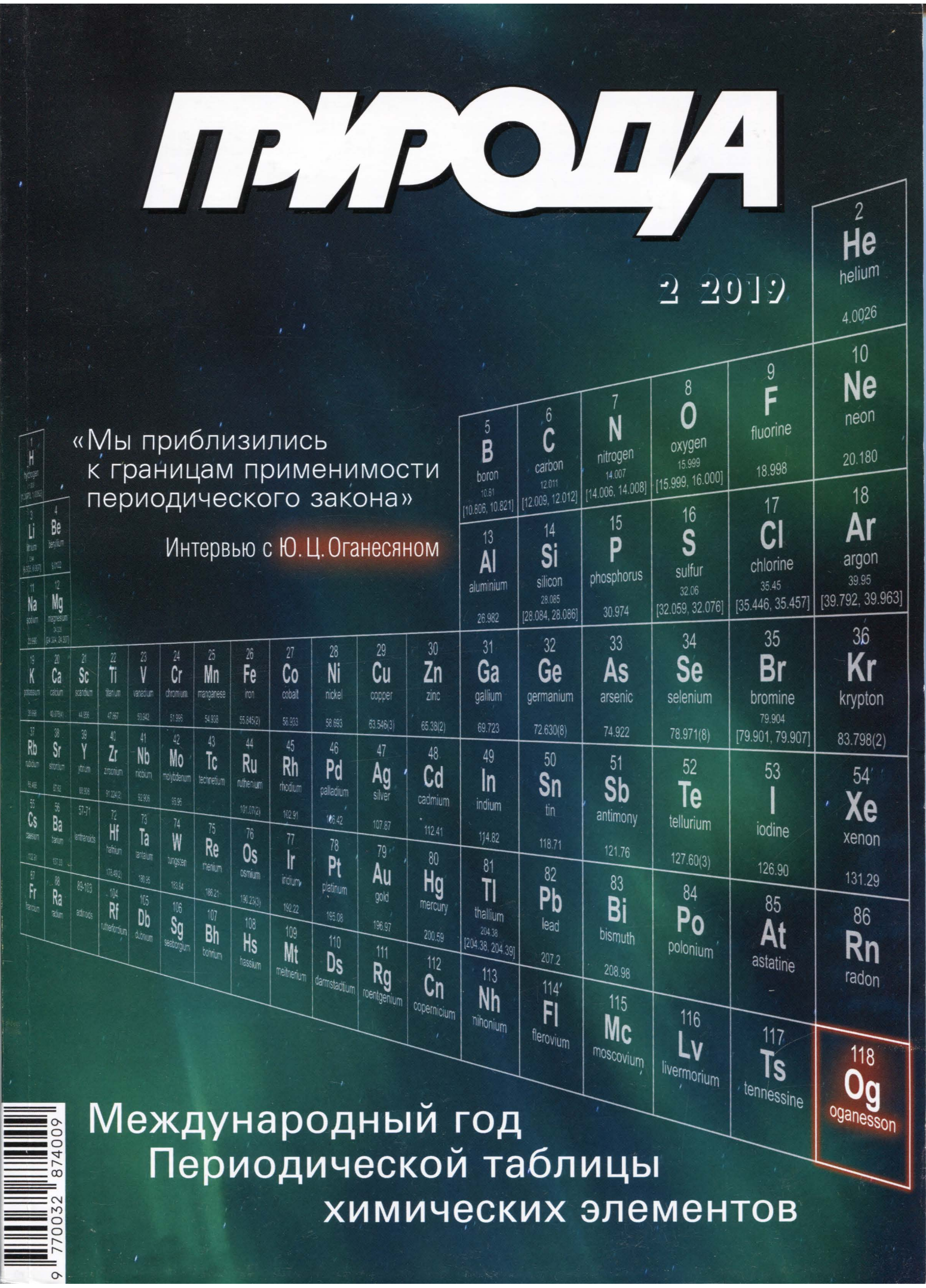
ПРИРОДА

2 2019

«Мы приблизились к границам применимости периодического закона»

Интервью с Ю. Ц. Оганесяном



Международный год Периодической таблицы химических элементов

9 770032 874009

Даниил Гранин и наука: открытие А.А.Любищева и Н.В.Тимофеева-Ресовского

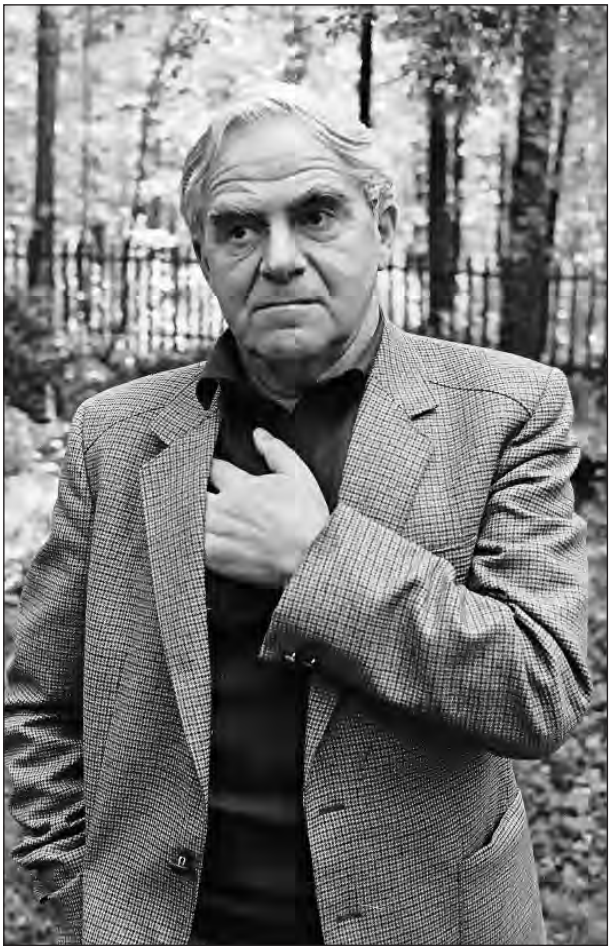
К 100-летию Д.А.Гранина

доктор биологических наук М.Д.Голубовский
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И.Вавилова РАН (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: mdgolub@gmail.com

Две наиболее известные документально-художественные повести Д.А.Гранин посвятил выдающимся ученым-биологам — А.А.Любищеву («Эта странная жизнь») и Н.В.Тимофееву-Ресовскому («Зубр»). Выбор героев частично обусловлен тем, что в годы сталинских репрессий самый острый конфликт тоталитаризма и науки был связан именно с биологией. «Как в старину открывали земли, как астрономы открывают звезды, так писателю может посчастливиться открыть человека», — эти слова принадлежат самому Гранину, который открыл для российского общества два разных типа естествоиспытателей, замечательных биологов и удивительных личностей. Это было трудной задачей, если вспомнить время публикации повестей и сопоставить его со взглядами и линиями судеб их героев.

Ключевые слова: история науки, Д.А.Гранин, А.А.Любищев, Н.В.Тимофеев-Ресовский.

Наука и личность, наука и общество — эти темы занимали особое место в творчестве Даниила Александровича Гранина. Их почти не было в российской литературе. Здесь писатель стал первооткрывателем, причем, по его признанию, сам чувствовал себя пионером. Об этом говорят и названия ранних повестей Даниила Александровича (Д.А.): «Искатели» (1955), «Собственное мнение» (1956), «Иду на грозу» (1962). В них ощущается романтика творческого поиска в исследовании тайн природы, самостоянье личности, свой путь в науке и жизни. И главное — нерв художественного повествования, неизбежные столкновения человеческих страстей и характеров, когда предстоит нравственный выбор и решается судьба. Повести Д.А. были очень популярны в советские времена и привлекали в науку молодежь. Лауреат Нобелевской премии академик Ж.И.Алфёров рассказывал, что именно чтение книг Гранина окончательно определило его жизненный путь.



Даниил Александрович Гранин (1919–2017).

Наука, ее ценности и искушения

Гранин прекрасно знал жизнь науки изнутри. Он учился в аспирантуре знаменитого Политехнического института в Ленинграде, где профессорствовал выдающийся физик и организатор науки А.Ф.Иоффе (1880–1960), создатель знаменитой научной школы. Из школы «папы Иоффе» (так его называли ученики) вышли нобелевские лауреаты П.Л.Капица, Н.Н.Семёнов и Ж.И.Алфёров,

© Голубовский М.Д., 2019

DOI:10.7868/S0032874X19020108

известные физики Ю.Б.Харитон (руководитель советского атомного проекта), А.П.Александров (президент АН СССР в 1975–1986 гг.), Я.И.Френкель, И.В.Курчатов, И.К.Кикоин, Б.П.Константинов. Там же восходила яркая звезда гениального астрофизика М.П.Бронштейна [1], но в 1937 г. ученый в возрасте 31 года был арестован и в феврале 1938-го расстрелян*. Об отчаянных попытках спасти Бронштейна, узнать его судьбу поведала в конце жизни его жена Л.К.Чуковская в повести «Прочерк», которая вышла лишь в 2001 г., уже после ее смерти. На это издание отозвался Алфёров в письме к дочери Чуковской: «Мы потеряли не просто замечательного ученого, писателя, человека, мы потеряли для страны будущее целой научной области» [2, с.1]. Сразу вспоминается сходная судьба Н.И.Вавилова и всей советской генетики**.

В Комарово (литераторском поселке под Ленинградом), где был, по словам Гранина, «свой Академгородок», он общался с самим Иоффе и с математиком В.И.Смирновым. Беседам с ними и с другими известными учеными посвящены страницы мемуарных заметок Д.А. «Причуды моей памяти» (2009). Писателя приглашали и в новосибирский Академгородок (где я проработал 25 лет в Институте цитологии и генетики). Бывая там, Гранин обычно встречался с физиком-теоретиком Ю.Б.Румером, ученым легендарной и трудной судьбы. В начале научного пути он три года (1929–1932) стажировался в Германии в знаменитом Гёттингенском университете. Будучи ассистентом М.Борна (одного из создателей квантовой механики), Румер оказался в центре европейского созвездия физиков. По возвращении в Москву он вскоре стал профессором кафедры теоретической физики в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Но в 1938-м и его настигла вакханалия сталинских массовых репрессий: арест, осуждение на 10 лет по 58-й статье, лагерная «шарашка» (вместе с такими сидельцами, как С.П.Королев, А.Н.Туполев, В.М.Петляков, В.П.Глушков). После 10 лет «шарашки» — пять лет «поражения в правах» и енисейская ссылка. Лишь в 1954 г. Румера реабилитировали, и у него появилась возможность работать в новосибирском Академгородке.

Румер был человеком европейской культуры, полиглотом и ироничным рассказчиком околонаучных легенд и баек. Однажды Д.А. поинтересовался, за что же его посадили, и услышал байку, как в их «шарашку» приехал Берия отметить сдачу проекта. Наркому пожаловался участвующий в застолье итальянец, что его посадили безвинно, ни за что. Берия с чекистским черным юмором ответил: «Если бы было за что, то, дорогой мой, ты бы тут не сидел» [3, с. 61]. В «Причудах моей памяти» есть еще один весьма поучительный рассказ Румера: 14-летний сын одного известного физика, осужденного по 58-й статье, зомбированный советским воспитанием, добровольно написал заявление об отказе от своего отца как врага народа и осуждал свою мать, которая жалеет его отца, — а ведь врагов нельзя жалеть, даже если они твои родители. Через несколько лет отец вернулся после реабилитации с наградой за самолет, созданный в «шарашке». Его именитые друзья-ученые пришли отметить возвращение. А повзрослевший сын в другой комнате рыдал, боясь к ним выйти. Когда жена попросила пойти утешить сына, отец ответил: «Есть огорчения, которых нельзя избегать, надо их пережить полностью, иначе жизнь ничему не научит» [3, с.61].

Жизнь показала, что отказ от общечеловеческих ценностей в пользу классовых или национально-этнических ведет к сходным последствиям. Гранин описывает эпизод начала войны, когда под Ленинградом к ним в полк привели первого пленного немецкого летчика. Узнав, что он из рабочих, солдаты стали через переводчика говорить о рабочей и пролетарской солидарности. Немец-летчик холодно посмотрел на них и презрительно процедил: «Вы все будете уничтожены». Но вот парадокс истории: этническому мифу нацизма противостояли люди, зомбированные столь же безжалостным классовым мифом и идеологией. В годы раскулачивания в одночасье сотни тысяч крепких крестьянских семей с малыми детьми были как враги народа лишены своих домов и имущества и высланы, брошены на смертный произвол в таежные леса и холодное безлюдье Сибири.

Горькие переживания, подобные «румеровскому мальчику», испытывали и продолжают испытывать в стране многие, когда снимаются слои социальной лжи и обнажается правда. Пришлось внезапно освобождаться от идолопоклонства, которое насаждалось десятилетиями и застилало глаза. В партийных терминах оно было названо — «культ личности Сталина». Не знаю лучшей метафоры происходившего, нежели в лагерной песне Александра Галича: «Кум докушал огурец / И закончил с мукою: / «Оказался наш Отец / Не отцом, а сукою... / Полный братцы ататуй! / Панихида с танцами! / И приказано статуй / За ночь снять со станции»***. В «Причудах моей памяти» писатель

* Подробнее см., например: *Горелик Г.Е.* Лев Ландау и Матвей Бронштейн // Природа. 2008. №1. С.46–53. — *Примеч. ред.*

** В «Природе» много публикаций о Н.И.Вавилове, в их числе специальный выпуск журнала к 100-летию выдающегося генетика (1987. №10), который можно найти в электронном архиве журнала (priroda.ras.ru). — *Примеч. ред.*

*** Строки из «Поэмы о Сталине» (глава 4: «Ночной разговор в вагоне-ресторане»). — *Примеч. ред.*

откровенно поведал о своем сходном освобождении от советских мифов и утопий: «После XX съезда словно развеялись колдовские чары. Действительность стала обретать свои истинные черты. Как я мог не видеть то, что нами правил вовсе не мудрейший в истории человек, что мы ничего сверхъестественного не сумели выстроить, ни социализма, ни благополучия, нищая деревня, бездорожье, коммуналки... что нет у нас ни свободы печати, ни свободы слова, что люди тайком крестят в церкви детей, что мы не можем выезжать из страны, что повсюду царит доносительство, колхозники — форменные крепостные... Как я ничего этого не видел, не понимал. <...> Я терял к себе уважение. Наверное, нечто похожее происходило и с моими друзьями. <...> Это было спасительное разочарование. На время» [3, с.53].

Д.А.Гранин и М.Д.Голубовский в кафе на Петроградской стороне. Санкт-Петербург, 2003 г.

Фото из архива автора

На одной из встреч с читателями, где был и я, Гранина попросили прочесть что-либо из любимых стихов, и он прочел пушкинское «Воспоминание». Поэт в полночной тишине предается воспоминаниям, испытывая «змеи сердечной угрызенья»: «И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклинаю, / И горько жалуюсь, и горько слезы лью, / Но строк печальных не смываю». Не смывать печальных горьких строк, которые есть в жизни каждого, — удел немногих.

Конец 1950-х и 1960-е — времена особых упований и надежд на науку. Торжество разума, атомная энергия, начало полетов в космос. «Мы покоряем пространство и время, мы — молодые строители земли»*, — громко пели радостным хором. «Мне казалось, — вспоминал Гранин, — что ученые-физики готовят будущее и не позволят вернуть прежние порядки». Но это искушение сциентизмом пришлось оставить. В более поздние годы писатель, продолжая высоко ценить социальную роль науки, склонен был совесть и милосердие ставить выше знания. В 1999 г. Д.А. писал академику В.Л.Гинзбургу: «Человечество не испытывает недостатка в знаниях, оно испытывает недостаток доброты»**. В повестях об ученых писателю интересны были прежде всего нравственные и моральные ценности его героев, их поведение и поступки. «Чем выше научный престиж, тем интересней и нравственный уровень ученого» [4, с.31]. Это привлекало к книгам Гранина и читателей.

Я познакомился с Даниилом Александровичем в Ленинграде в конце 1960-х годов в гостях у дочери профессора Любищева, Евгении Александровны. С тех пор и до конца жизни Д.А. мы много общались на социальные, околонаучные и биологические темы. Обычно это происходило во время прогулок от его дома по Малой Посадской улице и по Каменноостровскому проспекту или в сторону Невы и Петропавловки, а также в его летнем домике в Комарово и окрест него.

Возле своего загородного дома в Комарово.

* Слова из «Марша веселых ребят» В.И.Лебедева-Кумача. — *Примеч. ред.*

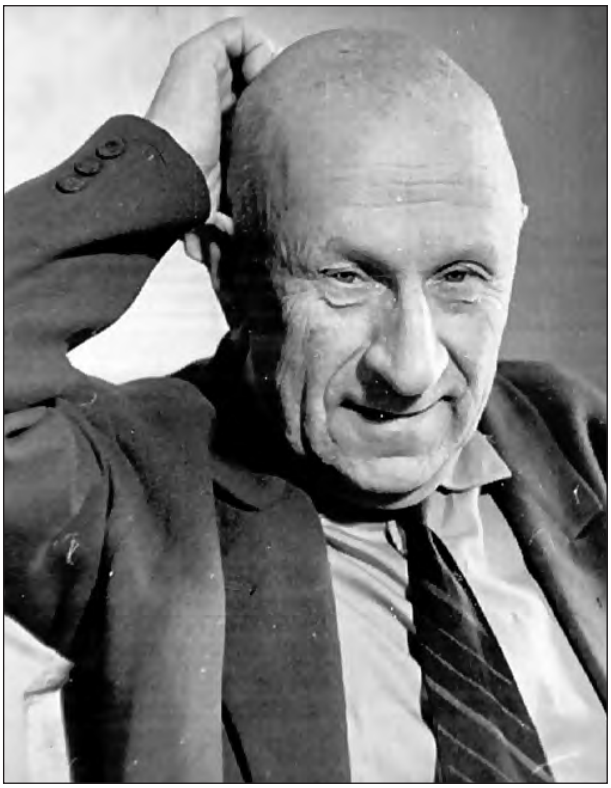
** Впоследствии это письмо Гранин включил в книгу «Человек не отсюда» (СПб., 2014). — *Примеч. ред.*

Мы обсуждали оригинальную книгу известного генетика В.П.Эфроимсона «Генетика этики и эстетики», которую удалось выпустить лишь в 1995 г., после смерти ученого. Будучи редактором этого издания, я включил в него как послесловие статью из архива Любищева «Генетика и этика». Эфроимсон и Любищев были друзьями и соратниками в противостоянии лысенкоизму. Однако их эволюционные предпочтения различались. Эфроимсон полностью принимал тезис Дарвина о ведущей роли отбора в эволюции живых организмов. Для Любищева отбор имел подчиненное значение, главное — законы (идеи), ограничивающие многообразие, наподобие законов Менделя. Не отрицая наследственного компонента в поведении, Любищев главные роли все же отводил религии, нравственным учениям или «идеологической наследственности». Эфроимсон был согласен с Любищевым в том, что «отказ от всечеловеческой, космополитической морали есть страшный регресс, и чудовищные следствия такого отказа мы ощущаем в XX в.» [5, с.260]. Гранин приводил в пользу биологических основ доброты строки из пушкинского «Памятника»: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал». Пробуждать ведь можно то, что уже потенциально заложено в генах. Искусство, поэзия обладают таинством пробуждения, активации этих задатков. Именно этот дар Пушкин ставил себе в особую заслугу. Это же относится и к миру науки. Размышляя о жизни Любищева, Гранин заключал: «Среди высших созданий человека наиболее привлекательные — нравственные ценности. С годами ученики без сожаления меняют себе наставников, мастеров, ученых, меняют шефов, меняют любимых художников, писателей, но тому, кому посчастливилось встретить человека чистого, душевно красивого — из тех, к кому прикрепляешься сердцем, — ему нечего менять: человек не может перерасти доброту или душевность» [4, с.31].

Рассказывая о своих встречах с А.Д.Сахаровым, Гранин восхищался сочетанием у него таланта физика с талантом доброты и совестливости. Нетерпимость к социальному злу у Сахарова соседствовала с толерантностью, мягкостью в общении, умением прощать. «Для меня доброта, — писал Д.А., — это, несомненно, талант, это счастливый дар природы» [3, с.64]. Писатель напомнил, что в 1973 г. 40 академиков, не стесняясь в выражениях, подписали письмо в «Правде», осуждая правозащитную деятельность Сахарова. Его травлей Академия наук надолго опозорила себя. Академики обычно оправдывались: «Нам выкручивали руки». «Действительно, прессовали, на себе испытал, но ведь далеко не все поддавались», — замечал Гранин [3, с.65]. Постыдное письмо отказались подписать Капица, Лихачев, Зельдович, Гинзбург, Канторович. После горьковской ссылки Сахарову предстояла встреча на одном форуме с авторами позорного письма, и он признался Лихачеву: «Ужасно волнуюсь, наверное, они будут чувствовать себя очень неловко» [3, с.64].

Две наиболее известные документально-художественные повести Гранина посвящены судьбам ученых в области не физики, а биологии: «Эта странная жизнь» — о биологе-эволюционисте Александре Александровиче Любищеве и «Зубр» — о феерической судьбе выдающегося генетика Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Выбор Гранина частично был связан с тем, что именно в биологии в те годы наблюдался самый острый конфликт тоталитаризма и науки — судьбы многих ученых были трудными, странными, но и интересными для художника.

Эти две повести принадлежат перу зрелого мастера. Их побудительный мотив: «Как в старину открывали земли, как астрономы открывают звезды, так писателю может посчастливиться открыть человека. Есть великие открытия характеров и типов. Гончаров открыл Обломова, Тургенев — Базарова, Сервантес — Дон Кихота» [4, с.3]. Гранин открыл для российского общества два разных типа естествоиспытателей, замечательных биологов и удивительных личностей. Именно открыл! Но это была трудная задача, если вспомнить время, когда повести были опубликованы,



Александр Александрович Любищев (1890–1972).

Фото из архива «Природы»

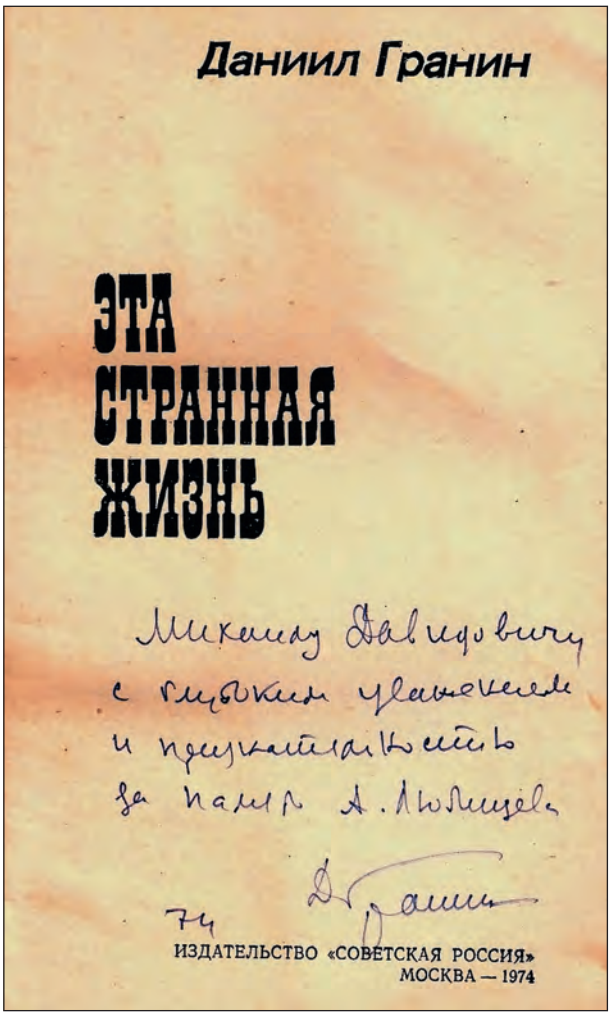
и сопоставить со взглядами и линиями судеб его двух героев. Повесть о Любищеве вышла в 1974 г., когда арестовали и выслали Солженицына «за измену родине». Перед этим началась травля Сахарова за правозащитные действия и публицистику: в 1980 г. его выслали в Горький за критику войны в Афганистане, развязанной старцами из Политбюро (за годы войны погибло около 1.5 млн и стали беженцами около 5 млн афганцев). Железный занавес советских идеологем был крепким.

Странная жизнь Любищева

До повести Гранина имя Любищева было известно лишь в кругу систематиков, биологов-эволюционистов и тех, кто интересовался применением статистики в биологии. Гранину были известны некоторые его нигде не печатавшиеся научно-публицистические статьи. Любищев, по существу, стал основателем «научного самиздата»: с 1953 г. он пишет серию больших критических антилысенковских статей и посылает их в ЦК на имя Н.С.Хрущева, рассылает копии коллегам и друзьям. Первая статья начиналась словами: «Считаю своим долгом как ученого и гражданина возвысить голос против аракчеевского режима в биологии, возглавляемого академиком Т.Д.Лысенко и его сторонниками» [6, с.25]. Любищев анализирует практические, теоретические и философские взгляды лысенкоизма.

История отважного противостояния Любищева обскурантизму, его статьи и письма, а также реакция сообщества появились в печати лишь в 1991 г., спустя 20 лет после его кончины: «А.А.Любищев. В защиту науки». Статьи и письма. Полностью труд «Монополия Т.Д.Лысенко в биологии» вышел, увы, лишь спустя полвека после написания [7]. Самиздатовские статьи и обращения Любищева сыграли невидимую позитивную роль в противостоянии лысенкоизму. Но внешне все оставалось по-прежнему до «малой октябрьской революции» в ноябре 1964 г., когда Н.С.Хрущев был снят со всех постов.

С Любищевым Гранин несколько раз встречался и беседовал, когда ученый, живший в Ульяновске, приезжал в Ленинград к своей дочери. Беседуя с ученым и читая его статьи, Гранин почувствовал масштаб его знаний и собирался съездить к нему в Ульяновск для более тесного общения. Но этого не случилось, а в 1972 г. Любищев ушел из жизни. Однако писатель получил возможность изучить архив Любищева, его дневники и богатое эпистолярное наследие. В повести мы находим признание: «Вскоре я убедился, что не знал Любищева. То есть знал, я встречался с ним, я понимал, что это человек редкий, но масштабов его личности я не подозревал. Со стыдом я признавался себе, что числил его чудаком, мудрым милым чудаком, и было горько, что упустил много возможностей бывать с ним. <...> Диапазон его знаний трудно было определить. Заходила речь об английской монархии — он мог привести подробности царствования любого из английских королей; говорили о религии — выяснялось, что он хорошо знает Коран, Талмуд, историю папства, учение Лютера, идеи пифагорейцев... Он знал теорию комплексного переменного, экономику сельского хозяйства, социал-дарвинизм Р.Фишера, античность и бог знает что еще. Это не было ни всезнайством, ни начетничеством, ни феноменом памяти» [4, с.4, 7].



Титульный лист первого издания книги «Эта странная жизнь» с дарственной надписью Даниила Александровича.

Фото из архива автора

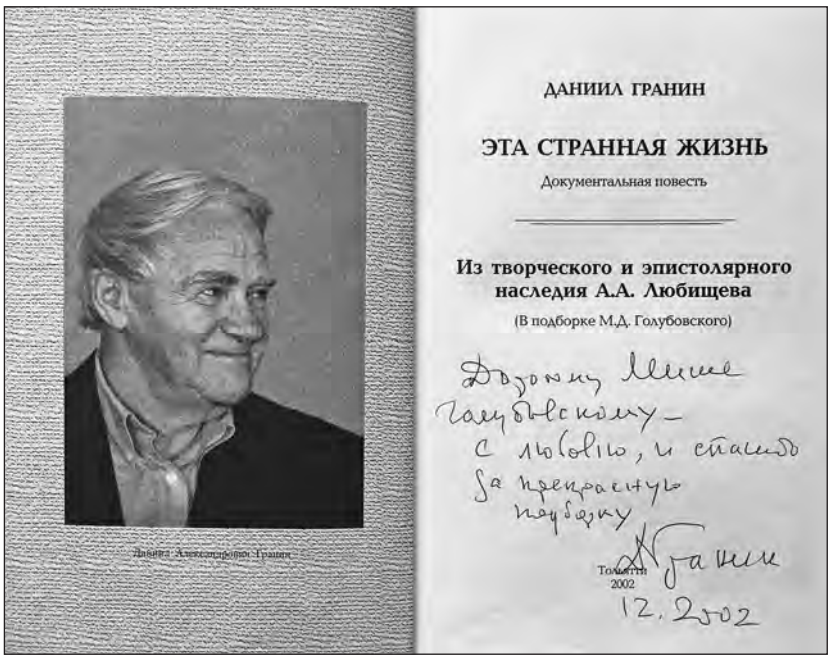
Наследие Любищева предстало, как контуры уходящего ввысь грандиозного недостроенного сооружения, формы которого были странны и привлекательны. В этих контурах писатель чувствовал замысел, общую систему миропонимания. Второе, что привлекало писателя, — поразительная независимость суждений, еретичность. Будь то теория эволюции, взгляды на Достоевского

и Толстого или Нюрнбергский процесс. В стране с идеологемами воинствующего материализма Любищев относил себя к идеалистам в области онтологии и гносеологии, к платоникам. Он отрицал любые схемы «двух лагерей» (например, прогрессивный советский и реакционный буржуазный), следуя тезису своего любимого поэта А.К.Толстого: «Двух станов не боец... и спор с обоими досель мой жребий тайный». В статье «Мысли о Нюрнбергском процессе» он сопоставлял Гитлера и Сталина, нацизм и советский режим, делая вывод: «Злостные преступники должны быть подвергнуты суду во всех странах, как побежденных, так и победивших. Это и будет логическим завершением Нюрнбергского процесса 1945 года. Пока это не будет сделано, пока побежденные будут рассматриваться как преступники, а победители как чистые ангелы, всякие разговоры о разоружении, предотвращении войн, борьбе с расизмом будут бесконечной и лицемерной болтовней» [8, с.143].

Возникает вопрос, как же в 1974 г., во время ужесточения советского режима и цензуры, Гранин сумел опубликовать повесть о Любищеве с его такими абсолютно несоветскими взглядами и миропониманием. Это стало возможным благодаря мастерски выбранному исповедальному тону, необычному стилю и сюжетной линии повести. По стилю «Эта странная жизнь»» напоминает роман Сервантеса «Дон Кихот». Это кажется естественным, ибо Любищев своим поведением и доминированием идеального над материальным напоминает Дон Кихота. Заглавия глав сделаны в стиле романа Сервантеса. Вот у Сервантеса: «Глава IX, повествующая об исходе и конце необычайного поединка между неустрашимым бискайцем и отважным ламанчцем». И вот у Гранина: «Глава девятая, где автор привычно сводит концы с концами и получает схему, которая могла бы удовлетворить всех». Такой стиль притуплял внимание цензоров.

Другой удачный прием, который облегчил публикацию повести, — сюжетным центром повести сделана Система Времени, по которой жил и работал Любищев. Изучая дневники Любищева, писатель выступил как исследователь, совершив подлинное открытие. Даже близкие не подозревали о той довольно жесткой системе учета времени, которой Любищев следовал. Скажу о себе. Летом 1965-го я гостил у Любищева целую неделю, знакомясь с его статьями, слушая его рассказы, гуляя по Ульяновску и сопровождая его в ежедневных поездках для купания в Свияге. Но я не заметил его следование Системе Времени. Прекрасно сказано в повести: «Его Время не было временем достижения. Он был свободен от желания обогнать, стать первым, превзойти, получить... Он любил и ценил Время не как средство, а как возможность творения. <...> Он твердо верил, что время — самая большая ценность и нелепо тратить его для обид, для соперничества, для удовлетворения самолюбия. Обращение со временем было для него вопросом этики» [4, с. 55].

Гранин на войне был танкистом. Выход его повести — своего рода маневр танка, пробивная мощь которого позволила преодолеть железобетонные цензурные барьеры. Только после выхода повести Гранина под надежной броней его авторитета оказались возможными и публикация в 1982 г. научной биографии Любищева, и выход избранных его работ «Проблемы формы, систематики и эволюции живых организмов». Мне кажется, Д.А. выбрал псевдоним «Гранин» не случайно, в том есть сокрытый смысл: в системе жестких идеологических и цензурных рамок стараться высказываться на *грани* возможного и сужать *грани* запретного. А уже в это свободное пространство, как пехота за танком, проникают другие и расширяют цензурную брешь.



Разворот книги «Эта странная жизнь», переизданной в Тольятти (2002), с портретом Гранина и его дарственной надписью.

Фото из архива автора

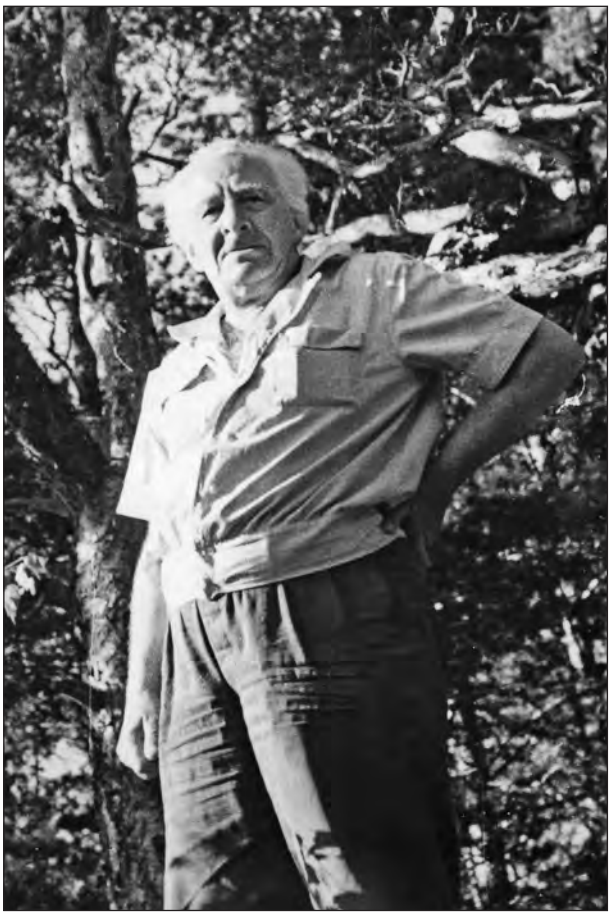
Книга «Эта странная жизнь» продолжает пользоваться популярностью, побуждая к добрым чувствам и деяниям. Вот интересный пример. Любищев похо-

ронен в Тольятти. И вот к 30-летию смерти биолога культурный фонд города «Духовное наследие» задумал переиздать повесть о Любищеве. Инициаторы легко набрали средства по подписке среди деловых людей города и приехали в Ленинград к Гранину за советом. Он предложил при переиздании включить в повесть разные культурологические статьи из архива Любищева. Поскольку я после визита к Любищеву в 1965 г. в шутку получил звание «лорд-хранитель архива», то быстро сделал подборку из статей, интересных широкому кругу читателей. Повесть «Эта странная жизнь» с дополнениями «Из творческого и эпистолярного наследия А.А.Любищева» вышла в 2002 г. в Ульяновске в прекраснейшем полиграфическом исполнении! Даниил Александрович оставил трогательную надпись в дарственном экземпляре: «Дорогому Мише Голубовскому — с любовью, и спасибо за прекрасную подборку. А.Гранин 12.2002».

Повесть «Эта странная жизнь» несомненно способствовала тому, что в 2000 г. в серии «Философы России XX века» были опубликованы два тома работ Любищева: «Линии Демокрита и Платона в истории науки и культуры» и сборник «Наука и религия». Эти книги вышли под редакцией профессора Санкт-Петербургского университета Р.Г.Баранцева, математика и культуролога, которому принадлежит ведущая роль в сохранении и публикации наследия Любищева. В 2008 г. при личной поддержке Гранина и фонда имени Д.С.Лихачева в издательстве «Алетейа» (Санкт-Петербург) вышла книга избранных статей и заметок Любищева под общим названием «Расцвет и упадок цивилизаций» (редакторы и составители — М.Д.Голубовский, Н.А.Папчинская).

Магический эффект Зубра

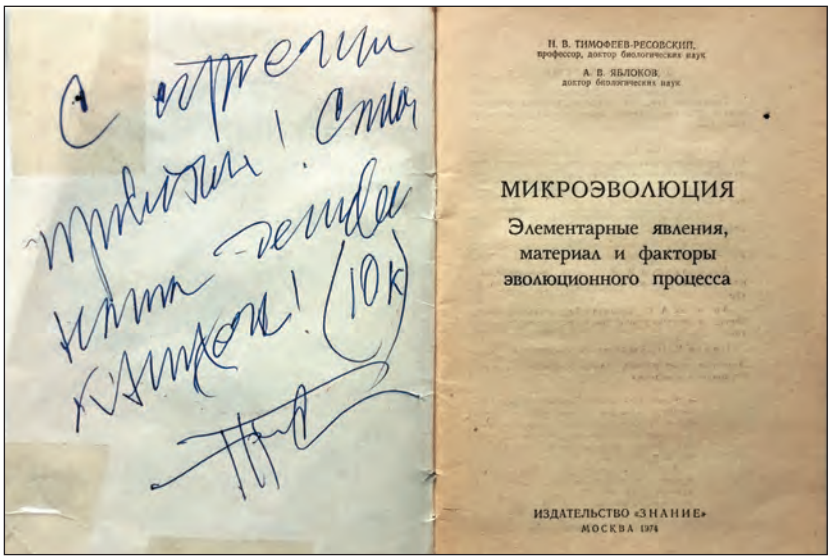
Вторым «открытием человека» стала публикация в 1987 г. художественно-документальной повести «Зубр» о Тимофееве-Ресовском, выдающемся биологе, незаурядной личности с парадоксальной и трудной судьбой. Гранин вернул практически запретного ученого в научно-культурное пространство его родной страны. Тимофеев-Ресовский был учеником Н.К.Кольцова — главы московской школы эволюционной генетики и основателя в России исследований по генетике человека. В Москве молодой ученый выполнил классические опыты, установив, как изучать взаимодействие между генами и сложными признаками. Без этих работ трудно теперь представить современное изучение наследственной изменчивости у человека. В 1925 г. Тимофеева-Ресовского пригласили в Германию для продолжения своих исследований. Здесь его разносторонние таланты и знания развернулись в полной мере. Его работы по радиационной генетике, теории гена и мутаций легли в основу возникшей позже молекулярной генетики. Он стал организатором научных мероприятий и ввел в практику европейской биологии регулярные неформальные научные семинары («трепы») с участием Нильса Бора и ведущих генетиков Европы. Исследования Тимофеева-Ресовского по генетике популяций вошли в основные сводки по теории эволюции. К 100-летию Тимофеева-Ресовского в 2000 г. в Дубне было создано международное научное общество «Биосфера и человечество», которое стало собирать международные конференции. Вторая «Тимофеевская» конференция прошла в 2005 г. в Ереване, третья — в 2010 г. в Крыму, где я был организатором секции эволюции и сделал доклад об идеях ученого [9].



Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981). Биостанция Миассово, лето 1964 г.

Фото Д.И.Бермана

Но жизненный путь Тимофеева-Ресовского был сопряжен с личными трагедиями, перекорежен социальными катастрофами XX в. и погромом генетики в СССР (лысенкоизмом). В 1937 г. Тимофеев-Ресовский отказался вернуться в СССР на неминуемую гибель. Два его родных брата были арестованы и расстреляны в СССР. В Германии его старший сын в 1943 г. попал в концлагерь за антифашистскую деятельность и погиб в 1945 г. Как



Титульный лист научно-популярной книжки «Микроэволюция», написанной Тимофеевым-Ресовским в соавторстве с А.В.Яблоковым, с дарственной надписью Николая Владимировича. После концлагеря из-за истощения от голода и пеллагры он почти потерял зрение — читал с трудом и только с лупой, а писал «на ощупь». Тем не менее надпись, сделанная с характерным для него юмором, можно разобрать: «С сердечным приветом! Стоит наша дешевая книжонка (10к)! Т-Р».

Фото из архива автора

и ряд других выдающихся ученых (Ф.Г.Добжанский, В.Н.Ипатьев, А.Е.Чичибабин, Г.А.Гамов), Тимофеев-Ресовский входил в категорию «невозвращенцев». Тогда невозвращение в страну приравнивалось к измене Родине. Ученый продолжал свои исследования в Германии до прихода советской армии, желая потом работать в СССР и передать все ценное оборудование лаборатории. Однако он попал в жернова сталинской карательной системы, был осужден на 10 лет, заключен сначала в концлагерь, затем, будучи почти при смерти, переведен в «шарашку» на Урал, где работал по закрытой радиобиологической тематике. Лишь в 1955 г. с него была снята судимость, и он получил возможность ездить по стране. С 1964 г. Тимофеев-Ресовский стал работать в Обнинске и там же, на родной калужской земле, жил до кончины. Он был избран членом многих академий и научных обществ мира, награжден премиями и медалями. Однако его никогда не выпускали за рубеж. Такова краткая жизненная канва.

Обо всем этом детально было впервые рассказано советским читателям в повести «Зубр». Писатель много лет общался с Тимофеевым-Ресовским, прослушал километры пленок его записанных воспоминаний. Он вел активную переписку, делал запросы в архивы и встречался с людьми, связанными с ученым, ездил специально в Германию. Было сложно не только воссоздать извивы судьбы Тимофеева-Ресовского и его уникальный психологический портрет. Предстояло к тому же провести через советские цензурные сети повесть об осужденном ученом-«невозвращенце», которого к тому времени еще не реабилитировали. Советская реальность была такова, что и через 20 лет после войны в анкетах сохранялся пункт, «были ли вы или ваши родственники в оккупации».

Гранин вновь совершил «танковый прорыв» и своим писательским авторитетом и мастерством проложил путь для других публикаций и исследований судьбы и научного наследия Тимофеева-Ресовского.

Помню, в 1987 г. Д.А. позвонил мне и попросил прийти на обсуждение его повести «Зубр» в ленинградском Доме писателей. Гранин хотел, чтобы в поддержку повести выступил генетик. У меня, как назло, накануне выдрали два зуба, рот кровоточил, но я, не задумываясь, пошел и выступил. Лишь в 1992 г., через 12 лет после смерти ученого, удалось добиться его полной юридической реабилитации в трудном противостоянии с советскими ортодоксами, демагогами и «газетными патриотами».

Теперь о главном и, может быть, наиболее интересном для художника — о психологическом облике Тимофеева-Ресовского. Все в нем — энергия громового голоса, раскованный, свободный стиль общения, красочные рассказы и «трепы», хлесткие присловья — производило завораживающий и прямо-таки магический эффект. Феерическая комбинация европейских манер, шарма и внутреннего достоинства в сочетании с молодецкой удалью былинного русского богатыря — «раззудись, плечо, размахнись, рука!». Выбранная Граниным метафора «Зубр» прекрасно передает и облик ученого, и тягу к нему молодежи: «Он взламывал правила, пугал, от него веяло дикостью, и это тянуло к нему. Он был, как зубр... среди домашнего стада; зверь эпохи двадцатых годов, о которых они знали меньше, чем о декабристах» [10, с.114]. Тимофеев-Ресовский был заводилой в любой компании и даже в стенах Бутырской тюрьмы сумел организовать биологический семинар. В его уникальной по лексикону и экспрессии речи ясность и глубина описания биологических явлений соседствовали с метафорами, терпкими «приколами». Его девиз: «Никакой звериной серьезности».

Тимофеев-Ресовский вмещал в себя три мира. В нем сочетались дореволюционная дворянская культура, университетские традиции с европей-

ской экспериментальной наукой. При этом, как особо подчеркивает Гранин, ученый никогда не прогибался и оставался верен себе — и в нацистской Германии, и при сталинском режиме. В Германии он спасал лиц «неарийского происхождения», а на Урале брал на работу в лабораторию в «шарашке» тех, кто сидел с ним и за кем еще продолжали вести наблюдение «органы».

Настоящим потрясением в научном сообществе Москвы стала лекция Тимофеева-Ресовского, прочитанная им 8 февраля 1956 г. по приглашению академика И.Е.Тамма на знаменитой «среде» в Институте физических проблем у П.Л.Капицы. Сначала Тамм сообщил новости об открытии двойной спирали ДНК как материального субстрата наследственности самовоспроизведения хромосом и генов. Затем Тимофеев-Ресовский рассказал о проведенных в Германии исследованиях механизма мутаций под действием облучения и об определении размера гена. Ни в одном биологическом институте доклад на такую тему был в то время немыслим. Все институты находились еще под контролем лысенковцев. «Одни физики пользовались автономией», — справедливо замечает Гранин.

Известие об этом семинаре взбудоражило научное сообщество Москвы, ведь впервые перед всеми должен был выступить ученый, о котором ходили разные легенды и слухи. В замороженной атмосфере тех лет, хотя и с признаками оттепели, его появление в Москве было подобно комете. На семинар пришло более 800 человек, и пришлось организовать трансляцию вне зала. Молодежь истомилась по современной генетике. «Впервые за много лет открылся блистательный мир новых идей, движение мировой мысли — все то, что так долго скрывали. Генетический “капичник” стал событием не только для Москвы, новость восприняли как выход научной генетики из заключения, как прецедент, как благую перемену», — заключил Гранин [10, с.120].

Д.А. цитирует посвященные Зубру замечательные строки из стихов Л.А.Блюменфельда, заведующего кафедрой биофизики МГУ (Тимофеев-Ресовский называл его одним из самых умных людей, которых встречал): «Ведь человек и суетен, и грешен, / Не отличает в слепоте своей / Немногие существенные вещи / От многих несущественных вещей. / Чему Вы только нас не обучали! / Но если все до афоризма сжать, / То главное — и в счастье, и в печали / Существенное в жизни отличать» [10, с.115].

Теперь о двух вопросах, который задавали и задают многие люди, прочитавшие повесть «Зубр». Почему Тимофеев-Ресовский не эмигрировал из гитлеровской Германии и почему он сам не подавал прошения о реабилитации и вообще не хотел говорить на эту тему. Конечно, ответить на эти вопросы логически трудно — скептиков ответы не убеждают. Но одна метафора позволит представить сложность ситуации. Назову ее так: «Капитанская дочка» и Тимофеев-Ресовский. Повесть Пушкина все изучали в школе. Кажется, это самая таинственная повесть, ее смысл продолжают анализировать. Однако один глубинный смысл для меня очевиден: случайность, рок, вихрь непредсказуемых событий могут вмешаться в судьбу человека, втянуть его в свою воронку и поставить в самые невероятные обстоятельства. Сбить с пути и закрутить, как снежная метель, в которую попал Гринев, едучи по бескрайней оренбургской степи.

Гринев, невольник чести, волею рока был не только помилован самозванцем, злодеем и убийцей Пугачевым. Он пирует с ним и принимает от злодея подарки — лошадь, шубу, деньги. И поэтому на военном суде Гринева резонно спрашивают: «Отчего произошла такая странная дружба и на чем она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?». Гринев не может логически ответить и оправдать свое поведение. Но мы, читатели, знаем, что он невиновен, что он хотел спасти честь и жизнь любимой девушки, невесты и поступал странно вовсе не из малодушия или измены. Но его приговорили к казни. И только чудо, милосердие императрицы спасло ему жизнь.

Метафора «Капитанской дочки» показывает слабость простой бело-черной дихотомии. Физик-атомщик Л.А.Арцимович, сообщает Гранин, при встрече в 1945 г. в Германии не подал руки униженному и обескураженному Тимофееву-Ресовскому. «В тот год я тоже не подал бы руки русскому, который работал у немцев. В тот год непримиримость жгла нас. Огонь войны очистил наши души, и мы все не желали никаких компромиссов. <...> Мы парили над всеми сложностями жизни» [10, с.94].

Но ведь Зубр приехал в Германию за 16 лет до войны по приглашению и оставался там гражданином СССР. В 1937 г. он не мог вернуться — его ждала верная смерть. Он был советским подданным в Германии и не хотел быть в статусе эмигранта в любой другой стране. В нацистской Германии не было такого тоталитарного контроля за научными институтами, как в СССР. А до 1941 г. ряд исследований, в том числе и те, которые делал Зубр, велся на международные или американские научные гранты. Кроме того, как глава крупной слаженной лаборатории, Тимофеев-Ресовский был в ответе за судьбы своих сотрудников, которые с ним работали долгие годы. Самому уехать, бросив сотрудников и коллег на произвол, — разве это не малодушие?

В 1939 г. вообще был подписан договор о дружбе между Германией и СССР. В Берлине стали продаваться газеты «Правда» и «Известия», в Берлин

приезжали культурные и научные делегации, и их члены посещали лабораторию Зубра. Показателен отрывок из речи Молотова на сессии Верховного Совета, который приводит Гранин в «Зубре»: «Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе... Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция... стоят за продолжение войны» [10, с.66].

Но произошла внезапная катастрофа — война 1941-го, она стала катастрофой и для Зубра. В 31-й, самой драматичной главе книги Гранин воссоздает психологические терзания Тимофеева-Ресовского после ареста его старшего сына: Фома был схвачен гестапо за участие в антифашисткой организации и брошен в концлагерь «Маутхаузен». «Возмездие настигло его. Неумолимое возмездие» [10, с.81]. И вот, видимо, это ощущение настигшего рока отвращало Тимофеева-Ресовского от просьб о реабилитации и от всех разговоров на эту тему.

* * *

Гранин пытался раскрыть поэзию научной работы. Эта тема почти не существовала в литературе. Он писал о людях талантливых, одержимых своей идеей, независимых в условиях, когда пресс идеологии сминал и деформировал человека. В интервью американскому интернет-журналу «Чайка» (Seagull magazine) писатель признался: «Жизнь завершается, а ведь я ее начинал тоже безумной и отчаянной надеждой, что мои книги что-либо могут изменить, добавить правды и справедливости в нашей жизни»*. Думаю, Даниил Александрович Гранин достиг этой цели, насколько это вообще возможно для художественного творчества.■

* www.chayka.org/node/2018

Литература / References

1. *Горелик Г.Е., Френкель В.Я.* Матвей Петрович Бронштейн (1906–1938). М., 1990. [*Gorelik G.E., Frekel V.Y.* Matvei Petrovich Bronstein. Moscow, 1990. (In Russ.).]
2. *Чуковская Л.К.* Прочерк. Сост. Е.Ц.Чуковская. М., 2009. [*Chukovskaya L.K.* Dash. Chukovskaya E.Ts. (ed.). Moscow, 2009. (In Russ.).]
3. *Гранин Д.А.* Причуды моей памяти. М., 2009. [*Granin D.A.* Quirks of My Memory. Moscow, 2009. (In Russ.).]
4. *Гранин Д.А.* Эта странная жизнь: Документальная биографическая повесть об А.А.Любищеве. М., 1974. [*Granin D.A.* This is a Strange Life: A Documentary Biographical Story about A.A.Lyubishchev. Moscow, 1974. (In Russ.).]
5. *Эфроимсон В.П.* Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. [*Efroimson V.P.* Genetics of Ethics and Aesthetics. St. Petersburg, 1995. (In Russ.).]
6. *Любищев А.А.* В защиту науки: Статьи и письма. Ред. М.Д.Голубовский. Л., 1991. [*Lyubishchev A.A.* In Defense of Science: Articles and Letters. Golubovskii M.D. (ed.). Leningrad, 1991. (In Russ.).]
7. *Любищев А.А.* Монополия Т.Д.Лысенко в биологии. М., 2006. [*Lyubishchev A.A.* T.D.Lysenko`s Monopoly on Biology. Moscow, 2006. (In Russ.).]
8. *Любищев А.А.* Мысли о Нюрнбергском процессе (филос. эссе от 1965 г.). Звезда. 1991; 2: 132–144. [*Lyubishchev A.A.* Thoughts on the Nuremberg Process (philosophical essay from 1965). Zvezda. 1991; 2: 132–144. (In Russ.).]
9. *Корогодина В.Л.* Конференция «Современные проблемы генетики, радиобиологии, радиоэкологии и эволюции», посвященная памяти выдающихся генетиков и радиобиологов Н.В.Тимофеева-Ресовского, В.И.Корогодина, В.А.Шевченко. Вестник ВОГиС. 2010; 14(4): 747–752. [*Korogodina V.L.* The conference «Modern problems in genetics, radiobiology, radioecology and evolution» memorizing the outstanding genetics and radiobiologist N.V.Timofeeff-Ressovsky, B.I.Korogodin, V.A.Shevchenko.2010; 14(4): 747–752. (In Russ.).]
10. *Гранин Д.А.* Зубр. Л., 1987. [*Granin D.A.* The Bison. Leningrad, 1987. (In Russ.).]

Daniil Granin and Science: the Discovery of A.A.Lyubishchev and N.V.Timofeev-Resovsky

To the 100th anniversary of D.A.Granin

M.D.Golubovskii
Saint Petersburg Branch of Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS (Saint Petersburg, Russia)

D.A.Granin devoted his two most well-known documentary novels to eminent biological scientists A.A.Lyubishchev (“This Strange Life”) and N.V.Timofeev-Ressovsky (“The Bison: A Novel about the Scientist Who Defied Stalin”). The choice of heroes was partly caused by the fact that during the years of the Stalinist repressions the most acute conflict of totalitarianism and science was observed exactly in biology. “Just as the far lands were discovered in ancient times, and stars were discovered by astronomers, so a writer can be lucky to discover a man”. These words belong to Granin, who discovered for the Russian society two different remarkable types of natural scientists, biologists and amazing personalities. It was a difficult task, if we remember the publishing time of these novels, and compare it with the views and fates of his two heroes.

Keywords: scientific history, D.A.Granin, A.A.Lyubishchev, N.V.Timofeev-Ressovsky.